

I. STALIN

SPEECH ON THE MILITARY QUESTION TO THE 8TH CONGRESS OF THE RKP(B)

(5TH SESSION, MARCH 21, 1919, MOSCOW)

NEW TRANSLATION, FULL TEXT

I. Stalin

Speech on the Military Question to the 8th Congress of the RKP(b)

(Fifth Session, March 21, 1919, Moscow)

*Machine translation
edited with footnotes by Tim Davenport*

Omitted from all three editions of the stenographic report of the 8th Congress (1919, 1933, 1959). Excerpt published as “Excerpt from a Speech on the Military Question Delivered at the Eighth Congress of the RKP(b), March 21, 1919,” in J.V. Stalin, *Works: Volume 4, November 1917–1920*. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1953; pp. 258–259, which erroneously attributes previous publication to the Stalin collection *Ob oppositsii* (1928). First published in full in Russian in *Izvestiia TsK KPSS*, 1989, No. 11, pp. 162–164.

This is the first publication of the full speech in English.

1000 FLOWERS PUBLISHING • CORVALLIS, OR • OCTOBER 2026

THIS FILE RELEASED TO THE PUBLIC DOMAIN WITHOUT RESTRICTION.

Comrades, before we proceed to the business at hand, I would like, in the interest of fairness, to point out certain inaccuracies in Comrade Okulov's¹ statements regarding Tsaritsyn. The shortcomings and the state of disarray he spoke of certainly existed, but he overlooked the most important point: for two months, this army remained at a standstill, because the situation did not improve during that entire period—a result of the lack of organization within the central supply apparatus. Comrades Okulov, Trotsky, the Council of People's Commissars, and others are aware of this. I mention it to dispel the disgrace that Comrade Okulov has cast upon the army. For better or worse, it successfully defended Tsaritsyn—a city now referred to as “Carthage” by the supporters of Krasnov, and one still known among our troops at the front as “Red [Tsaritsyn]”... *<Inaudible>* Naturally, any army with shortcomings is open to criticism.

---

¹ **Aleksei Okulov** (1880–1939). a party member since 1903, represented the Tula guberniia congress at the 8th Congress of the RKP(b). The son of a merchant, Okulov was an active participant in the Revolution of 1905 in Vologda. He lived in St. Petersburg from 1907 to 1913 before emigrating during the period of tsarist reaction, during which time he lived in Geneva and Paris. He returned to Russia in 1913, was soon arrested, and sentenced to 3 and a half years in prison, from which he was conscripted into the Russian army. He was active in the February Revolution of 1917 in Krasnoiarsk. He returned to Petrograd in the fall of 1917, where he was active in the All-Russian Central Executive Committee of Soviets (VTsIK) and gained election to the ill-fated Constituent Assembly. He was a member of the Revolutionary Military Council of the Republic (RVSR) during the first half of 1919. He was an opponent of the “Military Opposition” at the 8th Congress RKP(b). He was a division commander on the Southern front during the latter part of the civil war. He later worked as a teacher and served on the board of the Main Administration for the gold industry during NEP. He was expelled from the RKP(b) late in 1936 and arrested by the secret police. In December 1937 he was sentenced to a “tenner” in the Gulag, dying in the camps in Svobodny in 1939.

Furthermore, I must correct the second assertion of Comrade Okulov regarding the causes of the catastrophe on the Perm front. What he claimed is incorrect. Neither I, nor Comrade Dzerzhinsky in his report, stated that the primary reason for the fall of Perm was a disorganized staff or an incompetent command. The command was indeed incompetent and lacked proper administrative control; the army staff failed to effectively direct military operations. Yet, this was not the fundamental cause. The real reason was something else: the unsuitability of the combat reinforcements arriving at the front.

Now, let us turn to the matter at hand. All the issues raised boil down to one question: is Russia to have, or not to have, a strictly disciplined army? That is the crux of the matter. Half a year or eight months ago, following the collapse of the old tsarist military, we had a new, volunteer-based army—poorly organized, governed by collective leadership, and prone to disobeying orders. This was a period when the Entente's offensives were looming. The ranks of this army were composed primarily, if not exclusively, of workers.

Due to a lack of discipline, due to a lack of the cohesion found in the old military, due to the failure to carry out orders, due to a general disorganization in command, we suffered defeats. Matters reached a point where Kazan was seized from us, and Krasnov was advancing from the South. In the West, a more intense war was being waged between two imperialist blocs. The facts demonstrated that a poorly organized, undisciplined volunteer army was simply inadequate, that we, the Soviet Republic, would be unable to defend ourselves unless we created a different kind of force: a regular army, imbued with a spirit of discipline, equipped with an effective political department, and capable of springing into action and marching at the first command against the enemy. This task has been addressed, poorly or well, but nonetheless decided. The fundamental question now before us is to ensure that

our decision—the decision made by the central authorities regarding the necessity and inevitability of organizing a regular, strictly disciplined army that obeys orders—is actually carried out. This period began the moment the central authority announced mobilization and conscripted almost every segment of the population into military service. The composition of the army changed accordingly. While the volunteer army had consisted primarily of workers, our current army, which is larger and intended to be more systematically organized, has become a worker-peasant army—predominantly peasant.

The central issue now is how to supplement the conscious discipline we possessed, however imperfectly, during the volunteer phase with discipline of an “iron” form.²

I must state clearly that the non-proletarian elements which comprise the majority of our army—the peasantry—will not fight for socialism; they simply will not! They have no desire to fight of their own volition. A whole series of mutinies in the rear and at the front, as well as various incidents at the front, demonstrates that the non-proletarian elements, who make up the majority of our army, have no desire to fight voluntarily for communism.

Do take note: our task is therefore to compel these elements to fight, to follow the lead of the proletariat not only in the rear but also at the front—to force them to fight against imperialism. It is through this process of rallying the armed peasantry around the proletariat that we must complete the construction of a genuine, regular army—the only kind capable of defending the country.

That is how the matter stands.

And if it becomes necessary to launch an offensive against imperialism from all directions (*sic.*), we must recognize that such an offensive is already underway, closing in from the South, East,

---

² This is pretty clearly a euphemism for use of the death penalty at the front for conscripts refusing to fight or those willfully disobeying orders. —t.d.

North, and West. In the West, as Comrade Aralov³ has pointed out, all these national armies, stretching from Finland through Germany, Poland, Galicia, and Romania, are united under a single command headed by Hindenburg. These forces do not operate as partisans, but as regulars—well-armed. Clearly, the only effective counter to such a force is an army that is strictly disciplined, steadfast, and politically conscious—with highly developed political departments, ready to enter battle at the very first command. I understand that with such army, and only with such an army, we can defend the Republic.

The two sets of draft theses that have been proposed⁴ address this fundamental issue, naturally: the question of military specialists, the shortcomings of our units in the rear, the command of our armies, the matter of supplies, and the question of how command should be exercised—whether individually or collectively. All these are distinct issues, but the crux of the matter is this: either we succeed in creating a genuine workers' and peasants' army, predominantly peasant in composition, but strictly disciplined, and defend the Republic, or we are doomed.

---

³ **Semën Aralov** (1880–1969) was a member of the RSDLP from 1903 and a Bolshevik from 1918. He was a founding member of the Cheka in January 1918, where he was the head of the Moscow Military district. He became a member of the Revolutionary Military Council of the Republic (RVSR) in September 1918 and served during the civil war as a military commissar. He later moved to military intelligence, working under diplomatic cover in the 1920s. He served as ambassador to Lithuania, Latvia, Turkey, and China. He was dismissed from intelligence posts during the Terror but was never arrested. He volunteered for military service in 1941, at the age of 60, and was discharged in 1946, working as a Communist Party functionary until his retirement in 1957.

⁴ Two rival sets of theses on military policy were proposed and debated at the Congress — a draft set prepared by People's Commissar for Military Affairs Leon Trotsky (who did not attend the Congress) and an alternate set by Vladimir Smirnov. Following extensive debate, the two sets of theses were put to a voice vote of the delegates on the military affairs committee of the Congress, with the Smirnov theses winning the day, 37–20. Stalin, a member of the Presidium of the Congress who may or may not have been present for all sessions, did not vote. Future Stalin allies Kliment Voroshilov and Emelian Yaroslavsky supported the Smirnov theses. The final theses were prepared by a five person commission, which included Pozern, Safarov, Stalin, Yaroslavsky, and Zinoviev.

The first proposal, presented by Comrade Smirnov,⁵ makes various attempts—veiled and somewhat ambiguous, though clear enough to me—to undermine discipline, to grant concessions to the peasant elements, and to prevent them from being forged into a single, disciplined force. This draft speaks of enlisting specialists only with significant reservations. The question is not merely the utilization of specialists, but their very enlistment. It is a fact that the issue of command is accepted with significant reservations, and that comrades are dissatisfied with the lack of clarity regarding established relationships. One thing we must not hide is the necessity for discipline. But these same comrades are attacking, in various ways, the military policy of the central leadership, which calls for a regular army and the imposition of strict discipline upon everyone—from commissars and specialists to all other elements that make up the army. Discipline is essential, we must establish it, we must use it to bind up the peasant elements within our ranks, and thereby forge a regular army capable of confronting the enemy.

Comrades working at the front know that, although a decree exists stipulating that only proletarian elements should be conscripted into military service, units on the Southern front and Eastern front have, in reality, been formed from individuals who are practically White Guards. Investigation reveals the General Staff is recruiting exploiters for military service; consequently one regiment commander had been assessed a revolutionary tax of

---

⁵ **Vladimir Smirnov** (1887–1937) was a member of the Bolshevik Party from 1907, joining while a law student at Moscow University. He was a close associate of Nikolai Bukharin and the brother-in-law of Valerian Osinsky. He was a Left Communist during the period of the Brest-Litovsk negotiations. From February to April he was People's Commissar of trade. He was a member of the Revolutionary Military Council of the 5th Army during the civil war, although a party dissident as a member of the Democratic Centralist faction in 1920. An economist, during NEP he was a member of the board of the Council of Labor and Defense (STO) and on the financial commission of the Supreme Council of National Economy (VSNKh). Smirnov was expelled from the RKP(b) at the 15th Congress of 1927, arrested and sent to three years of exile, followed by a new arrest and a three year sentence to the Verkhne-Uralsk political *isolator*. This term was extended by two years, followed by three years exile to Siberia. Arrested and killed in the Terror.

16,000 to 20,000 rubles—in other words, a kulak. Such shortcomings must be rectified.

There are also shortcomings in the realm of education [*vospitanie*] within the army. Once discipline has been established in the worker–peasant army, this becomes the most fundamental issue. The question of political education is of immense importance. If we are gaining the upper hand in Ukraine, it is primarily because there is a tremendous revolutionary upsurge. Political education within the army is of vital significance.

We must address the question of the All-Russian Bureau of Commissars—it should either be reorganized or abolished. It is essential that units, both in the rear and at the front, be imbued with revolutionary spirit; it is necessary in creating a regular army that is prepared to enter into battle at any moment.

As for practical proposals, Comrade Sokolnikov speaks about them quite openly and clearly. And I propose that, following the theses, we adopt these practical proposals as a natural consequence of the Center's general policy.

Appendices

- *Izvestiia TsK KPSS* 1989, No. 11
- J.V. Stalin, *Works*, vol. 4. (Moscow: 1953)
- I.V. Stalin, *Sochineniia*, tom 4. (Moscow: 1951)

СТАЛИН: Товарищи, прежде чем приступить к делу, я хотел бы в интересах справедливости отметить некоторые неточности в заявлениях товарища Окулова относительно Царицына. Те недочеты и то неустройство, о котором он говорил, они были безусловно, но он забыл главное: два месяца эта армия топталась на месте, потому что положение в продолжение этих двух месяцев не улучшалось ввиду неорганизованности аппарата снабжения в центре. Об этом знают товарищи Окулов, Троцкий, Совнарком и другие товарищи. Я это говорю для того, чтобы снять тот позор, который набрасывает товарищ Окулов на армию. Плохо ли, хорошо ли, но она отстояла Царицын, который теперь у красновских сторонников называется Карфагеном и который слывет до сих пор среди фронтовых товарищей красным... (Не слышно). Конечно, нужно критиковать любую армию, где есть недочеты.

Затем я должен внести поправку во второе заявление товарища Окулова насчет причин катастрофы на Пермском фронте. [То, что он

сказал,] — это не верно. Я этого не говорил и товарищ Дзержинский в своем докладе [не] говорил, что основной причиной падения Перми является неустройство штаба и неумелость командования. Оно было неумелое, бесхозяйственное, штаб армии не умел руководить действиями армий. Но основная причина не эта, а другая: негодность боевых пополнений, которые подходили к фронту.

Теперь перейду к делу. Все вопросы, затронутые, сводятся к одному: быть или не быть в России строго дисциплинированной армии. Весь вопрос в этом. Полгода назад или 8 месяцев назад у нас была новая армия, после развала старой царской — добровольческая, плохо организованная армия с коллективным управлением и командованием, не подчинявшаяся приказу. Это был период, когда обозначались наступления со стороны Антанты более или менее ясные. Состав армии был главным образом, если не исключительно, рабочий.

Ввиду отсутствия дисциплины, ввиду отсутствия стройности старой добровольческой армии, ввиду того, что приказы не исполнялись, ввиду дезорганизации в управлении армии мы терпели поражения. Дошли до того, что отобрали у нас Казань, с юга наступал Краснов. На западе была более серьезная война двух империалистических групп. Факты говорили, что добровольческая армия, плохо организованная и дисциплинированная армия не выдерживает критики, что мы — Советская республика — не сумеем оборонять нашу республику, если не создадим другой армии, армии регулярной, проникнутой духом дисциплины, с хорошо поставленным политическим отделом, умеющей и могущей по первому приказу стать на ноги и идти на врага. Эта задача была, плохо ли, хорошо ли, но все-таки разрешена. Перед нами стоит основной вопрос о том, чтобы наше решение, решение центра о необходимости, о неизбежности организации регулярной армии, армии строго дисциплинированной, подчинявшейся приказу, было исполнено. Период этот начался с того момента, как центр объявил мобилизацию и привлек к несению военной службы почти все элементы. Сообразно с этим и состояние армии изменилось. Если добровольческая армия состояла главным образом из рабочих, то теперь наша армия, более многочисленная и долженствующая быть более планомерной, превратилась в рабоче-крестьянскую, главным образом — крестьянскую.

И теперь весь вопрос состоит в том, чтобы дисциплину сознательную, ту, которая была у нас, плохо ли, хорошо, в период добровольчества, чтобы сознательно дополнять дисциплину железной формой.

Я должен сказать, что те элементы нерабочие, которые составляют большинство нашей армии, — крестьяне, они не будут драться за социализм, не будут! Добровольно они не хотят драться. Целый ряд фактов на всех фронтах указывает на это. Целый ряд бунтов в тылу, на фронтах, целый ряд эксцессов на фронтах показывает, что непролетарские элементы, составляющие большинство нашей армии, драться добровольно за коммунизм не хотят.

Останавливаю ваше внимание: отсюда наша задача — эти элементы заставить воевать, идти за пролетариатом не только в тылу, но и на фронтах, заставить воевать с империализмом. И в этом ходе сплочения вооруженного крестьянства вокруг пролетариев также предстоит завершить строительство настоящей регулярной армии, единственно способной защищать страну. Так стоит вопрос.

И если придется назначить * наступление империализму со всех сторон, то теперь оно идет вплотную с юга, востока, севера и запада. На западе известно, товарищ Аралов об этом говорил, все эти национальные армии, начиная с Финляндии, проходя через Германию, через Польшу, Галицию и Румынию, все они объединены в одно командование во главе

* Так в тексте. Ред.

с Гинденбургом²³ Эти армии действуют не как партизанские, а как регулярные, хорошо вооруженные. И, безусловно, против такой армии можно противопоставить только армию строго дисциплинированную, выдержанную, и вместе с тем армию сознательную, с высоким развитием политических отделов, армию, готовую идти по первому приказу в бой. Я понимаю, что с такой армией мы защитим республику, не иначе.

Два проекта тезисов, которые предложены, они затрагивают, конечно, этот основной вопрос: вопрос о специалистах, о недочетах наших формирований в тылу, вопрос об управлении армиями, вопрос о снабжении и вопрос о способах командования — единоличного или коллективного. Все эти вопросы представляют отдельные вопросы и [главное] только [в том], что мы либо создадим настоящую рабоче-крестьянскую, по преимуществу крестьянскую, строго дисциплинированную армию и защитим республику, либо пропадем.

Первый проект, представленный товарищем Смирновым, имеет, делает все попытки, прикрытые, правда, и не очень ясные, но для меня ясные, все попытки, чтобы подорвать дисциплину, дать облегчение крестьянским элементам, помешать сковать их в единую дисциплинированную массу, и, в то же время, этот проект с большими оговорками говорит о привлечении специалистов. Вопрос стоит не об использовании, а о привлечении. Это вопрос, который всплывает сам собой — вопрос о привлечении специалистов. Это факт, что вопрос о командовании принимается с большими оговорками, и то, что товарищи недовольны недостаточно разрешенными отношениями. Одно мы должны не скрывать, это то, что мы должны быть дисциплинированными, и эти товарищи во всех формах нападают на военную политику центра, требующего регулярной армии и введения строгой дисциплины от всех: от комиссаров, от специалистов и от слоев, составляющих армию. Необходима дисциплина, которую мы должны создать, которой мы должны сковать крестьянские элементы нашей армии и, таким образом, склеить регулярную армию, которая способна противостоять врагу.

Товарищи, работающие на фронтах, [знают], что, хотя имеется декрет о привлечении на военную службу элемента только пролетарского²⁴, на самом деле на Южном фронте и на Восточном части сформированы из полубелогвардейцев. Как показывает расследование²⁵, Главный штаб формирования²⁶ привлекает на военную службу эксплуататоров, и во главе полка вдруг оказывается человек, обложенный в 16—20 тысяч революционного налога, то есть просто кулак. Такие недочеты должны быть исправлены.

Недочеты есть также и в деле воспитания в армии. Это основной вопрос после установления дисциплины в рабоче-крестьянской армии. Вопрос о политическом воспитании имеет большое значение. Если мы на Украине берем верх, то, главным образом, потому, что есть величайший революционный подъем. Политическое воспитание в армии имеет огромное значение. Мы должны поставить вопрос, чтобы Всероссийское бюро комиссаров было реорганизовано или упразднено. Необходимо, чтобы как в тылу, так и на фронте части были воспитаны в революционном духе, необходимо добиться того, чтобы создать регулярную армию, которая была бы готова в любой момент идти в бой.

Что касается практических предложений, то об этом товарищ Сокольников говорит совершенно открыто и ясно. И я предлагаю вслед за тезисами принять практические предложения, как естественный результат из общей политики центра.

**EXCERPT FROM A SPEECH
ON THE MILITARY QUESTION
DELIVERED AT THE EIGHTH CONGRESS
OF THE R.C.P.(B.)⁶⁷**

March 21, 1919

All the questions touched upon here boil down to one: is Russia to have, or not to have, a strictly disciplined regular army?

Six months ago, after the collapse of the old, tsarist army, we had a new, a volunteer army, an army which was badly organized, which had a collective control, and which did not always obey orders. This was at a time when an Entente offensive was looming. The army was made up principally, if not exclusively, of workers. Because of the lack of discipline in this volunteer army, because it did not always obey orders, because of the disorganization in the control of the army, we sustained defeats and surrendered Kazan to the enemy, while Krasnov was successfully advancing from the South. . . . The facts show that a volunteer army cannot stand the test of criticism, that we shall not be able to defend our Republic unless we create another army, a regular army, one infused with the spirit of discipline, possessing a competent political department and able and ready to rise at the first command and march against the enemy.

I must say that those non-working-class elements—the peasants—who constitute the majority in our army will not voluntarily fight for socialism. A whole number of facts bear this out. The series of mutinies in the rear and at the fronts, the series of excesses at the fronts show that the non-proletarian elements comprising the majority of our army are not disposed to fight for communism voluntarily. Hence our task is to re-educate these elements, infusing them with a spirit of iron discipline, to get them to follow the lead of the proletariat at the front as well as in the rear, to compel them to fight for our common socialist cause, and, in the course of the war, to complete the building of a real regular army, which is alone capable of defending the country.

That is how the question stands.

... Either we create a real workers' and peasants' army, a strictly disciplined regular army, and defend the Republic, or we do not, and in that event our cause will be lost.

... Smirnov's project is unacceptable, because it can only undermine discipline in the army and make it impossible to build a regular army.

First published in:

J. Stalin, *On the Opposition.*
Articles and Speeches (1921-27),
Moscow and Leningrad, 1928

ИЗ РЕЧИ ПО ВОЕННОМУ ВОПРОСУ НА VIII СЪЕЗДЕ РКП(б)⁶⁷

21 марта 1919 г.

Все вопросы, затронутые здесь, сводятся к одному: быть или не быть в России строго дисциплинированной регулярной армии.

Полгода назад у нас была новая армия, после развала старой, царской, — добровольческая, плохо организованная армия, с коллективным управлением, не всегда подчинявшаяся приказам. Это был период, когда обозначилось наступление со стороны Антанты. Состав армии был главным образом, если не исключительно, рабочий. Ввиду отсутствия дисциплины в этой добровольческой армии, ввиду того, что приказы не всегда исполнялись, ввиду дезорганизации в управлении армии, мы терпели поражения, сдали противнику Казань, а с юга успешно наступал Краснов... Факты говорят, что добровольческая армия не выдерживает критики, что мы не сумеем оборонять нашу Республику, если не создадим другой армии, армии регулярной, проникнутой духом дисциплины, с хорошо поставленным политическим отделом, умеющей и могущей по первому приказу встать на ноги и идти на врага.

Я должен сказать, что те элементы, нерабочие элементы, которые составляют большинство нашей армии — крестьяне, не будут добровольно драться за социализм. Целый ряд фактов указывает на это. Ряд бунтов в тылу, на фронтах, ряд эксцессов на фронтах показывают, что непролетарские элементы, составляющие большинство нашей армии, драться добровольно за коммунизм не хотят. Отсюда наша задача — эти элементы перевоспитать в духе железной дисциплины, повести их за пролетариатом не только в тылу, но и на фронтах, заставить воевать за наше общее социалистическое дело и в ходе войны завершить строительство настоящей регулярной армии, единственно способной защищать страну.

Так стоит вопрос.

...Либо создадим настоящую рабоче-крестьянскую, строго дисциплинированную регулярную армию и защитим Республику, либо мы этого не сделаем и тогда дело будет загублено.

...Проект, представленный Смирновым, неприемлем, так как он может лишь подорвать дисциплину в армии и исключает возможность создания регулярной армии.

Впервые напечатано в книге:

И. Сталин. Об оппозиции.

Статьи и речи 1921—1927 гг.

М.—Л., 1928